Кочевая цивилизация: исторические исследования. 2023. №3 | ISSN 2782-3377
Отечественная история | DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-39-51

УДК (470+571)

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ БУРЯТ В РОССИЙСКОЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА р. СЕЛЕНГИ

Юлий Иванович Дробышев
кандидат исторических наук,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
E-mail: altanus@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена характеристике трансформации традиционного природопользования у российского населения бассейна реки Селенги, являющегося частью Байкальского региона, в дореволюционный период и в настоящее время. Бурятов как представителей коренного населения, населявшего степные ландшафты вышеуказанного ареала, отличала непосредственная связь с природой и ее биологическими ресурсами. В историческом прошлом в хозяйственном комплексе этноса получили достаточное развитие кочевое животноводство и оседлое земледелие, а также охота и ремесленные занятия, ставшие важными источниками жизнеобеспечения. За длительный период проживания в данном регионе бурятам удалось накопить ценные знания, приобрести навыки, сформировать традиции адаптивного рационального природопользования. В статье сделана попытка проанализировать традиционное и современное природопользование бурят, подвергшееся определенной трансформации и изменениям под воздействием этноэкологических народных традиций и хозяйственных новаций разных периодов времени.

Ключевые слова

Российская часть бассейна реки Селенга, буряты, русские, природопользование, кочевое хозяйство, животноводство, земледелие, традиционная духовная культура.

N.C.
H.R.

Nomadic civilization: historical research. 2023. №3 | ISSN 2782-3377
National history | DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-39-51

UDC (470+571)

ECONOMIC ACTIVITIES AND TRADITIONAL ENVIRONMENTAL MANAGEMENT OF THE BURYATS IN THE RUSSIAN PART OF THE SELENGA RIVER BASIN

Yuliy Ivanovich Drobyshev
Candidate of Historical Sciences,
Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, Russian Federation
E-mail: altanus@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the characteristics of the transformation of traditional environmental management among the Russian population of the Selenga River basin, which is part of the Baikal region, in the pre-revolutionary period and at the present time. The Buryats as representatives of the indigenous population inhabiting the steppe landscapes of the above-mentioned area were distinguished by a direct connection with nature and its biological resources. In the historical past, nomadic livestock raising and sedentary agriculture, as well as hunting and craft activities, which became important sources of livelihood, were sufficiently developed in the economic complex. Over a long period of residence in this region, the Buryats managed to accumulate valuable knowledge, acquire skills, and form traditions of adaptive environmental management. The article makes an attempt to analyze the traditional and modern environmental management of the Buryats, which has undergone a certain transformation and changes under the influence of ethno-ecological folk traditions and economic innovations of different periods of time.

Keywords

Russian part of the Selenga River basin, Buryats, Russians, environmental management, nomadic farming, livestock breeding, agriculture, traditional spiritual culture.

CC BY

ВВЕДЕНИЕ

Бассейн реки Селенга является одним из трансграничных речных бассейнов Азиатской части России. Он расположен на территории Российской Федерации и Монголии, представляя собой единую природную систему. Территория бассейна в пределах Монголии составляет 299,0 тыс. кв. км (66,9%), России — 148,1 тыс. кв. км (33,1%). В дореволюционный период указанную территорию занимали два родственных народа — монголы и буряты, исторически связанные между собой, традиционно занимавшиеся кочевым скотоводством, а также земледелием, являвшимися важнейшей основой их комплексного хозяйства, жизнеобеспечения. В ранее опубликованной статье «Трансформация традиционного природопользования в бассейне Селенги в XX столетии» (Дробышев, 2023) мы главным образом показали широкое использование природных ресурсов в хозяйственной деятельности аратов в монгольской части Селенгинского бассейна. В данной же статье ставится задача подробно исследовать процесс хозяйственной деятельности населения в российской части бассейна Селенги в контексте природопользования, кочевой и полуоседлой формы хозяйствования. В историческом прошлом именно на этапе кочевого уклада жизни началось формирование гармоничных отношений человека с окружающей природой и развитие рационального аграрного природопользования в Забайкалье (Намжилова, Тулохонов, 2000).

Животноводческая модель аграрного природопользования была наиболее экологически корректной, т.к. органически вписывалась в природу Забайкалья: «Хозяйственная деятельность кочевников не нарушала среды обитания, а мягко и плавно окультуривала существующий ландшафт посредством включения в локальные биоценозы домашних животных и культурных растений» (Бурятия…, 2000: 271). В бассейне р. Селенги также издавна стало развиваться растениеводческое земледелие. Л.Г. Намжилова и А.К. Тулохонов в вышеуказанной статье выделяют три периода земледельческого освоения территории Забайкалья: I (конец XVII в.) — слабого освоения; II (XVIII в.) — интенсивного освоения; III (XIX — начало XX вв.) — относительно стабильного освоения (Намжилова, Тулохонов, 2000: 29).

Объектом настоящего исследования является система аграрного природопользования в Республике Бурятия, а предметом — ее эволюция. Во главу угла мы поставили анализ исторического и современного развития в контексте природопользования двух традиционных отраслей хозяйственного комплекса бурят — животноводства и земледелия. В исследовании также вкратце рассматривается роль традиционной духовной культуры монгольских народов в сохранении окружающей среды.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретической основой исследования стали работы советских и российских ученых в области аграрного хозяйствования и природопользования. При анализе проблем, связанных с процессом хозяйственного и социально-экономического развития Забайкалья в исследуемый период, применялась совокупность методов: исторический; сравнительно-исторический метод как разновидность исторического;

Nomadic civilization: historical research. 2023. №3 | ISSN 2782-3377
National history | DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-39-51

ретроспективный; метод статистического анализа; экспертной оценки; описания; хронологический метод, позволивший проследить проблему в событийно-историческом плане. Анализ литературных и архивных данных выступает в качестве основного метода, используемого для изучения проблемы, указанной в цели исследования. Специфика объекта исследования потребовала применения формационного подхода. Основными общеметодологическими принципами исследования стали исходные принципы исторической науки — историзм, предполагающий рассмотрение исторических явлений, фактов, событий и процессов в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, во взаимосвязи, в изменении и развитии, и объективность, ориентирующая исследователя на адекватный анализ и оценку фактов, относящихся к настоящей теме.

ОБСУЖДЕНИЕ

Исследуемая нами проблема не раз становилась предметом изучения российских ученых. В философском аспекте ее рассмотрели В. В. Мантатов, Л. В. Мантатова (2020). Предметом исследовательского анализа указанных авторов стали «позитивные синергии» — выигрышные стратегии для окружающей среды и человеческого развития. Д. Б. Ангаева в своей статье исследовала экологические традиции народов Байкальского региона и тенденции их изменения (2013). Эволюцию аграрного природопользования в Забайкалье на примере Республики Бурятия рассмотрели Л. Г. Намжилова и А. К. Тулохонов: предметом изучения в статье стали номадное животноводство, модель скотоводческого АПП, система кочевания, структура животноводства, кормовая база, культура ведения номадного животноводства, экстенсивное земледелие, модель земледельческого АПП, влияние природных условий на развитие земледелия и пр. (2000).

ЖИВОТНОВОДСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Культура номадного животноводства у бурят вырабатывалась веками и основывалась на хорошем знании местной природы, качества трав, на умении ухаживать за животными, организовать перекочевки скота и т.д. Залогом стабильности аграрного природопользования в Забайкалье являлся годовой цикл кочевого животноводства. Аборигенные породы скота были адаптированы к местным природно-климатическим условиям и почти не изменяли ландшафтов. В стаде преобладали лошади и крупный рогатый скот.

Табунное коневодство бурят можно считать одной из самых экологически безопасных отраслей животноводства благодаря тому, что лошади относительно слабо воздействуют на растительный покров. Пастьба лошадей и диких степных копытных имеет немало сходств. Те и другие весьма мобильны, не задерживаются долго на одном месте и тем самым мало выбивают пастбища. Таким образом, можно говорить об «экологичности» содержания аборигенных лошадей. Местная порода овец также оказывала относительно небольшое воздействие на среду. Попадая на пастбище, овцы сразу рассредоточивались, а не перемещались след в след друг другу, за исключением, когда они шли на водопой, но в этом случае овцы оставляли

длинную, узкую тропинку в степи. «Технология выпаса» в кочевом животноводстве была своеобразной и рациональной. Например, в снежные зимы на пастбища сначала пускали лошадей, которые разбивали и разрывали твердый покров снега; за лошадьми шел рогатый скот, который не мог разгребать снег копытами, и съедал верхушки трав. Хорошо выбивали ветошь и овцы. Если же снег на пастбищах был настолько глубок, что рогатый скот не мог достать ветошь, пастухи прогоняли табун лошадей сплошной плотной массой и лишь затем выпускали крупный рогатый скот (Намжилова, Тулохонов, 2000: 62).

В среде кочевников традиционно сложилась система перекочевок: дважды в год стада перегоняли с летников на зимники и затем обратно. Летники располагались вблизи источников воды, а на зимниках животные утоляли жажду снегом. Кочевники, располагавшие большим количеством скота, меняли свои стоянки чаще и имели еще «весенники» и «осенники». Кочевали обычно хотонами, размер которых не был строго фиксирован (чаще, несколько юрт). Скот размещался по пастбищам достаточно равномерно, позволяя травяному покрову восстанавливаться. На летниках скот находился с середины мая по конец сентября–начало октября. Овец держали плотной массой и пасли на склонах сопок с низкорослым и редким травостоем, а крупный рогатый скот выпасали в долинах, где он находил более сочный и обильный корм. Зимники располагались вверх по долинам и отделялись от летников поскотиной. Как правило, на зимниках находились сенокосы. Буряты устраивали рядом с зимниками утуги — небольшие расчищенные от камней и кустарников участки лугов, которые они удобряли навозом и орошали по возможности водой. Продуктивность травостоя на утугах была высокой. Обычно за зиму кочевники меняли место стоянки до 10-12 раз для обеспечения скота достаточным количеством подножного корма. Движение на летние пастбища начиналось после таяния снега, приблизительно во второй половине апреля.

В хозяйстве бурят уже в конце XVII в. широко практиковалось сенокошение, однако заготовка кормов в то время далеко не отвечала реальным нуждам. Позже распространение сенокошения привело к сокращению цикличности перекочевок с 4 до 2 раз в год.

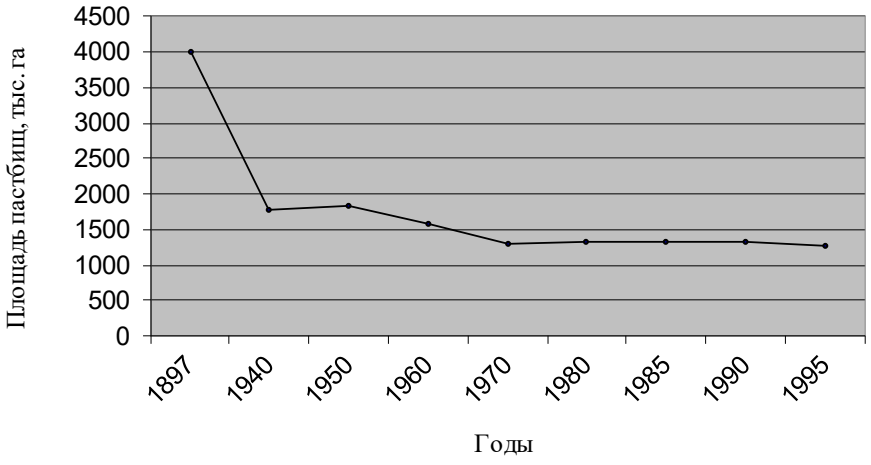

Рис. 1. Динамика пастбищных угодий в Забайкалье

Nomadic civilization: historical research. 2023. №3 | ISSN 2782-3377
National history | DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-39-51

Необходимо отметить, что бурятское кочевое скотоводство, наряду с целым рядом общих черт, отличалось от монгольского меньшими масштабами перекочевок. В Монголии существовали ближние и дальние пастбища. Ближние пастбища использовались для молодняка и сохранялись как резерв, а дальние предназначались для нагула скота. Буряты, более стесненные пространственно, в целом не придерживались такого деления пастбищ. Площадь пастбищ у них с годами неуклонно сокращалась. Особенно резкое сокращение произошло за период с 1897 по 1940 гг., что объясняется земельной реформой, коллективизацией и распашкой пастбищных угодий (рис. 1).

На этапе освоения целины ведущей отраслью животноводства в Забайкалье стало разведение овец, причем хорошо адаптированная к местным условиям аборигенная овца была полностью заменена тонкорунной. Поголовье лошадей сократилось с начала XX в. с 257 до 55 тыс. голов, а численность крупного рогатого скота молочного направления, напротив, резко возросла (рис. 2). В начале 1940-х гг. была начата поглотительная метизация аборигенного крупного рогатого скота симментальской породы.

В 1950-х гг. сельское население практически лишилось скота на личных подворьях. Крестьяне, не имея своего скота и не получая реальной зарплаты за общественный труд, переходили в другие отрасли экономики. Из сельской местности начался отток молодежи. Происходили отчуждение от традиционных форм и способов природопользования, утрата национальной культуры (это касалось не только бурятского или эвенкийского населения, но в полной мере и русского).

За последующие 30 лет продуктивность пастбищ снизилась в 2,5-4 раза, что было во многом связано с увеличением поголовья скота, особенно овец и коз. В дальнейшем предпринимались попытки снизить количество коз и овец, чтобы уменьшить нагрузки на пастбища. В 1990-х гг. обеспеченность собственными кормами в республике не превышала 50%. Овцеводство в Бурятии пришло в упадок по ряду причин, одна из которых — отсутствие спроса на шерсть.

К концу XX в. на 100 га пастбищ в Бурятии приходилось 34 головы крупного рогатого скота, 30 овец и коз и 5 лошадей, т.е. 0,34 условных голов животных на 1 га при средней урожайности кормовых трав 2,8 т/га. Расчеты показывают, что емкость пастбищ позволяет увеличить эту цифру в 2,5 раза практически без расширения кормопроизводства (Бурятия…, 2000).

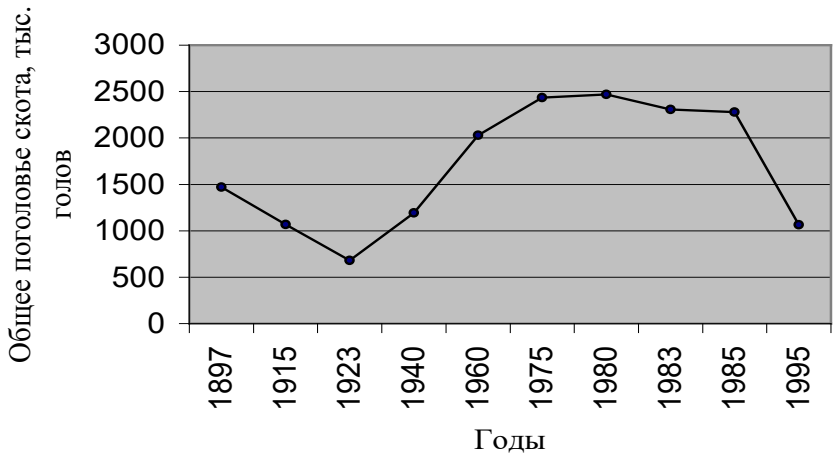

Рис. 2. Динамика общего поголовья скота в Забайкалье

После реформ начала 1990-х гг. в Забайкалье не произошло сколько-нибудь заметного возврата коренного населения к традиционному кочевому образу жизни, как это имело место в соседней Монголии.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Первые русские пашни в Забайкалье появились около Кабанского и Баргузинского острогов. Между 1730 и 1775 гг. крестьянское население в данной местности выросло более чем в 20 раз. Колонизация шла в южном и юго-восточном направлениях. Пришлое население, особенно «семейские», стало занимать лучшие земли в поймах рек Селенга, Хилок, Чикой, Джида, вытесняя коренных жителей к подножиям гор. К концу XVIII в. Удинско-Селенгинский край стал главным земледельческим районом Забайкалья. Ввиду ограниченности благоприятных для земледелия территорий отличительной чертой землепользования были мелкоконтурность и разбросанность пашен, а климатические условия диктовали преобладание в структуре посевов яровой ржи, занимавшей свыше половины посевных площадей. Далее по площади засеянности шли пшеница, овес, ячмень, гречиха и др. Применялась залежно-паровая система земледелия. Степные пашни бросали в залежь после нескольких лет пользования, расчистки в лесу могли использоваться существенно дольше. По новине хлеб сеяли 5-6 лет подряд. В 1913 г. в Забайкалье (Бурятия и Читинская обл.) было засеяно 469 тыс. га земли.

Первые русские землепроходцы, пришедшие на бурятскую землю, обнаружили, что местные жители занимались не только животноводством, но и земледелием: высевали в небольших размерах просо, ячмень, гречиху. А.П. Окладников рассматривал бурятское растениеводство как реликтовое. Оно исчезло с появлением первых русских отрядов, и после 1640-х гг. источники о нем больше не упоминают, однако в первые десятилетия XVIII в. буряты под влиянием русской культуры вновь осваивают земледелие, теперь уже на более высоком уровне. Степень распространения земледелия среди разных бурятских родов была неодинакова. К середине XIX в. многие группы бурят, прежде всего, идинцы и аларцы, сменили скотоводческий тип хозяйства на земледельческо-скотоводческий. Переход бурят к оседлости Е.М. Залкинд считал «крупнейшим положительным явлением» (1958: 86).

У забайкальских бурят не было родового землепользования. Большинство урочищ заселялось смешанным, принадлежащим к разным родам, населением. Собственником земли становился тот, кто первым обработал ее под пашню, независимо от ее количества и качества (Мангатаева, 2000). Буряты использовали сохи, серпы, косы-литовки и косы-горбуши. Вопреки сообщениям этнографов, в частности Г.Р. Галдановой (1987), о чрезвычайно осторожном обращении бурят с водными источниками, надо сказать, что буряты на раннем этапе своей истории запруживали реки, а иногда изменяли их русла.

Археологические материалы свидетельствуют, что в прошлом в Забайкалье существовало орошаемое земледелие. Важно отметить, что орошение в тот период не вело к заболачиванию или засолению грунтов.

Особым этнокультурным фактором, способствовавшим переходу бурят к оседлому образу жизни, было крещение. Для крещеных бурят одного-двух поколений

Nomadic civilization: historical research. 2023. №3 | ISSN 2782-3377
National history | DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-39-51

обычно хватало, чтобы полностью переключиться на русский тип хозяйствования, не теряя, впрочем, свой язык и связи с сородичами.

Постепенный переход коренного населения к земледелию оказал решающее влияние на сдвиг систем жизнеобеспечения. Этот процесс, начавшись в середине XVII в., сопровождался трансформацией земельных отношений, форм ведения традиционного хозяйства и, в целом, уклада жизни коренных народов. Всего лишь за 20 лет (с 1897 по 1917 гг.) прирост сельского населения в Забайкалье составил 218,3 тыс. человек, что связано прежде всего с интенсивным освоением новых земель. Распахивались залежи и целина, под пашни вырубались леса. Посевная площадь за эти годы выросла в 1,5 раза. Однако сокращалась площадь пастбищ, вследствие чего поголовье скота у забайкальских бурят уменьшилось на 13%. Сжимались расстояния перекочевок, менялись их маршруты. Тем самым снижалась экологичность животноводства. Уже в начале XX в. отмечались локально признаки пастбищной дигрессии.

Для региона оседлая земледельческая модель природопользования оставалась вторичной и чуждой. Именно ее развитие может считаться причиной коренного преобразования ландшафтов Забайкалья и, в конечном счете, появления негативных природных процессов. Приоритетное развитие земледелия в ущерб животноводству придавало нестабильность аграрному производству. Сильно зависевшее от погодных условий хлебопашество не обеспечивало потребностей в продовольствии, но подрывало вековые устои традиционного хозяйства коренного населения. «Можно утверждать, что шло наступление земледельческой (оседлой) модели на скотоводческую (кочевую), что привело к ослаблению последней и снижению ее экологичности» (Намжилова, Тулохонов, 2000: 109).

Коренная ломка системы традиционного природопользования в Забайкалье началась в период коллективизации. Особенностью этого периода было то, что одновременно осуществлялась земельная реформа, а кочевое и полукочевое население переводилось на оседлость. В 1928 г. оседлые бурятские хозяйства составляли 9,8%, полукочевые — 78,6%. кочевые — 11,6% (Мангатаева, 2000). Это был достаточно болезненный процесс, достигший своего пика в 1934-1935 гг. Животноводство отреагировало на него резким снижением поголовья скота в бурятских хозяйствах. Посевные площади были увеличены более чем в 2 раза (рис. 3). Велась распашка целинных земель, по которым прежде кочевали животноводы-буряты. Сокращение кормовой базы вызвало к жизни «кормовой голод», который в дальнейшем только углублялся, особенно после поднятия целинных земель. В связи с нарушением основных принципов адаптивного природопользования значительно возросли нагрузки на ландшафты. Неурегулированный выпас на урезанных по площади пастбищах привел к образованию очагов развеиваемых песков в сухих степях Забайкалья.

Быстрыми темпами в Бурятии расширялась механизированная обработка земли. Тракторный парк республики в 1928 г. исчислялся 10 машинами, в 1933 г. их было уже 411, в 1938 г. — 1349, в 1941 г. — 2383. С 1954 по 1958 гг. в Бурятии было распахано 286,5 тыс. га целины, а к 1963 г. площадь освоенных земель была доведена до 400 тыс. га, причем 90% из них составляли бывшие пастбища, сенокосы и залежи. С этого времени нехватка кормов стала хронической болезнью бурятского животноводства, что приводило в суровые зимы к массовому падежу скота. Корма завозили из других регионов и даже из Монголии. Аграрная политика в Забайкалье

привела к парадоксальной ситуации: сначала распахивались лучшие пастбища с целью подъема земледелия, а затем для укрепления подорванной базы животноводства площади пахотных земель увеличивали еще больше — под посев фуражных культур (Намжилова, Тулохонов, 2000). Безусловно, это не могло не отражаться негативно на себестоимости продукции животноводства. Причем интенсивная распашка производилась в жестких природно-климатических условиях, мало подходящих для растениеводства, при широком распространении легко эродируемых почв.

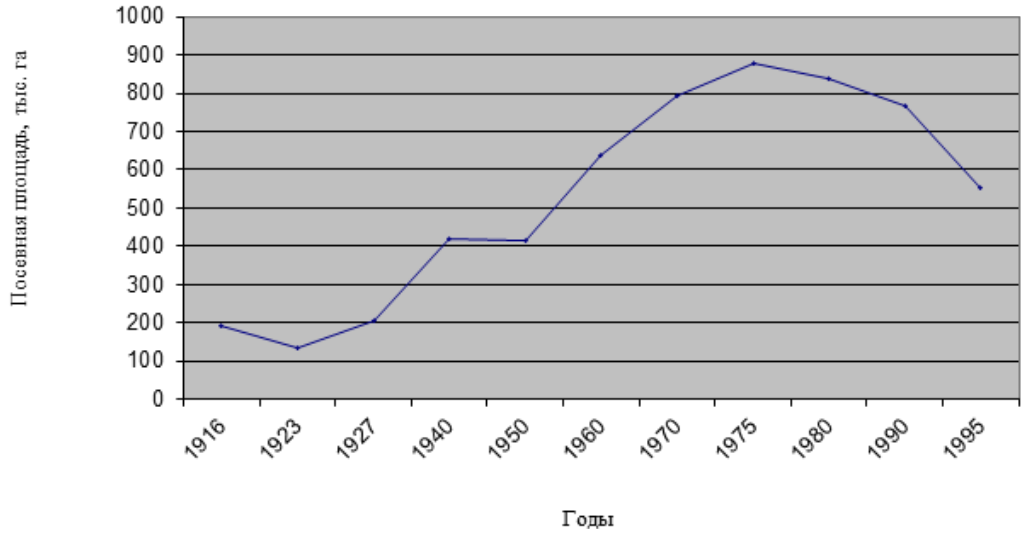

Рис. 3. Динамика пахотных земель Забайкалья

Распашка целины не предварялась тщательным выяснением пригодности почвы под пашню, вследствие чего в некоторых хозяйствах Кижигинского, Кяхтинского и Джидинского районов были распаханы земли с весьма маломощным гумусовым горизонтом, и уже в первый год там наблюдалась эрозия почвы. К 1963 г. эрозионные процессы в Бурятии имели место на 175 тыс. га пашни. Кроме того, разрушение слоя, так называемого степного войлока (неразложившихся остатков растений), привело к иссушению почвы. Интенсивной деградации пастбищ также способствовало постоянное увеличение пастбищной нагрузки в связи с резким ростом поголовья овец.

С середины 1970-х гг. в Бурятии начинается современный этап аграрного природопользования, отличающийся от предыдущих периодов еще большей интенсификацией сельскохозяйственного производства. В середине 1970-х гг. величина посевных площадей достигла максимальной цифры — 837,7 тыс. га, после чего начала снижаться, сначала медленно, затем быстрее, и к 1995 г. составляла 520,5 тыс. га. (рис. 3).

Экономические реформы в стране привели к резкому снижению объема валовой продукции сельского хозяйства республики. Мелиорация земель в регионе практически не проводится. В настоящее время урбанизация, миграции и распад традиционной семьи подрывают этнокультурный потенциал народов Байкальского региона. Семейные и улусные родовые традиции, прежде влиявшие на формирование

Nomadic civilization: historical research. 2023. №3 | ISSN 2782-3377
National history | DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-39-51

мировоззрения и морали, ныне практически утратили свое значение. Тем не менее следует подчеркнуть роль традиционной духовной культуры монгольских народов в сохранении окружающей среды.

После коренных социально-экономических реформ начала 1990-х гг. в Бурятии много сделано для возрождения национальной культуры, включая и традиции природопользования, которые нередко называют экологическими, поскольку они в течение многих веков выступали гарантом неистощительного использования ресурсов окружающей среды. Под экологическими традициями понимают «совокупность народных знаний, умений и навыков, накопленных в процессе взаимодействия с природным окружением; выполняющих регулятивные, контролирующие, трансляционные, трансмиссионные функции; действующих во всех сферах общественной жизни, сопричастных к обмену веществ между природой и обществом» (Будаева, 1999: 27).

Традиционное природопользование народов, населяющих байкальский бассейн, трудно представить без присущих ему обычаев одухотворения природы. В настоящее время здесь получают новую жизнь древние святилища, вспоминаются правила поведения перед лицом природы, хозяйственные и промысловые нормы и запреты. И в то же самое время явственно дают о себе знать негативные тенденции во взаимоотношениях общества и окружающей среды.

Наряду с усилением сакральной роли природных объектов (гор, рек, исторических мест и т.п.) происходит десакрализация природы, что не в последнюю очередь может быть связано с развитием рыночных отношений. Возвышенное, гуманное отношение к родной природе подчас сменяется потребительским подходом; природа превращается в неодушевленный источник материальных благ.

В XX в. традиционное мировоззрение монгольских народов претерпело существенные изменения, обусловленные рядом причин: овладением достижениями науки и техники, воспитанием в духе материализма и атеизма, укоренением взглядов на природу как на кладезь ресурсов, стоящей вне этики, разрушением родоплеменного принципа землепользования, при котором принадлежащая роду или племени территория считалась священной, наконец, проникновением антропоцентризма. Вследствие этого многие обычаи и запреты отошли в прошлое либо продолжали существовать в сильно редуцированном виде, утратив в обществе регуляторную функцию. Грозные силы природы, прежде находившие олицетворение в бесчисленных духах-«хозяевах», теперь казались не страшными и потенциально управляемыми человеческой волей с помощью современных технических средств, а сами «хозяева» попали в разряд мифологических персонажей, не обладающих никакой реальной силой. Природа все шире вовлекалась в эксплуатацию, внедрялись новые виды природопользования, происходило разрушение природных комплексов, приводящее местами к локальным экологическим кризисам.

Анализ традиций сакрализации и заповедывания ландшафтов в ареале расселения монгольских народов обнаруживает многоуровневую (по времени и соподчиненности) систему анимистических, тотемистических, фетишистских и более поздних, буддийских, представлений и культов, усложненную культом Чингисхана и Гэсэра. Наряду с накопленным в народе многовековым опытом неистощительного природопользования эта система составила основу «экофильности» бурятского этноса, т.е.

позитивной ценностной ориентации к природе, включение ее в сферу этики. В XX в. она претерпела значительную трансформацию и обрела надстройку — создание чисто светских заповедников, заказников и национальных парков по канонам европейской науки. Многие обычаи и ритуалы, кажущиеся лишенными рациональной основы пережитками шаманизма и даже еще более древней традиции, оказываются отнюдь не беспочвенными в свете экологии. От благосостояния тотемных животных нередко зависит экологическая устойчивость ландшафтов. Почитание духов-«хозяев» определенных мест реально оборачивалось сбережением экосистем. Неприкосновенность «священных» деревьев могла оказать неоценимую помощь в сохранении уникальных генотипов, т.к. многие из этих деревьев должны были обладать особыми адаптационными качествами, позволяющими расти в крайне трудных условиях и достигать очень большого возраста. Запреты на изъятие из природы излишнего количества дичи или растительного сырья, ограничения на охоту в брачный период или во время сезонных миграций зверей и птиц служили фактором сохранения живой природы. Уже не ново уподобление сакральных территорий «микрозаповедникам». Действительно, локальные священные земли веками предохранялись от нарушения и могли донести до наших дней специфические комплексы флоры и фауны, либо давно исчезнувшие окрест, либо сильно видоизмененные хозяйственной деятельностью человека.

Буддийские ламы нередко налагали запрет на охоту, рубку леса и иные формы природопользования вокруг монастырей. В районах возрождения родовых святынь в ряде мест Забайкалья восстанавливаются популяции диких животных. Некоторые объекты поклонения бурят (скалы, целебные источники, «шаманские деревья» и т.п.) с удивительной точностью отвечают критериям памятников природы и могут также по праву расцениваться как памятники культуры. По крайней мере, часть из них занимает узловое положение в ландшафтах в геохимическом и экологическом отношениях. Исключительно важным регулятором поведения человека на природе в Забайкалье долгое время являлся страх перед сверхъестественными существами — духами-«хозяевами», населявшими все вокруг и безжалостно наказывавшими каждого, вплоть до ханов, кто осуществлял природопользование запрещенными приемами или в неположенных местах. «Хозяева» были хранителями «чужого» (по отношению к человеческому обществу) мира природы, вследствие чего люди были вынуждены вступать с ними в обменные отношения. Плата, как правило, чисто символическая (камень, монета, конский волос и т.д.), возлагалась на «храм-алтарь» духов — так называемое *обо*, представляющее собой кучу камней с воткнутыми шестами или ветвями деревьев.

Реки средневековые монгольские племена называли «прозрачными до черноты», и человек за их загрязнение нес ответственность перед духом-«хозяином» водной стихии; обитающая же в них рыба считалась священной, т.к. она «никогда не спит» (из-за прозрачных век рыбы кажется, что глаза ее всегда открыты). Ныне браконьеры глушат рыбу взрывчаткой, а некоторые водоемы загрязнены органическими веществами настолько, что вода в них начала «цвести». Иногда приходится наблюдать, как местные водители моют машины, загнав их в реку. Берега многих рек, протекающих через обжитую местность, сильно замусорены. Подобная картина наблюдается

Nomadic civilization: historical research. 2023. №3 | ISSN 2782-3377
National history | DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-39-51

и по берегам озер, особенно когда они начинают пересыхать. Можно привести еще немало примеров небрежного, подчас варварского, отношения к природе, усугубляющего и без того непростую экологическую обстановку в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени проблемы природопользования в бассейне Селенги еще более обострились и, разумеется, не остались без внимания специалистов, однако, изучая данную проблематику, мы в настоящей статье ограничились XX веком. Выходом из непростой ситуации в аспекте природопользования в современных условиях, наряду с внедрением новых технологий, могло бы стать реальное возрождение традиционной культуры коренного населения региона с имманентными ей обычаями и запретами, направленными на сохранение родной природы. Традиционные ценности, выработанные, прежде всего, в рамках шаманизма и буддийских верований, должны лежать в основе этноэкологических традиций, регулирующих все направления человеческой деятельности. Безусловно, это нелегкая задача, так как, по справедливому замечанию Ц. Б. Будаевой (1999), возрождение экологических традиций в первую очередь предполагает преемственность поколений. Говоря о целесообразности более широкого использования экологических традиций в деле гармонизации взаимоотношений общества и окружающей среды, мы, однако, не склонны их переоценивать. Но совершенно необходимо осознание того, что эти традиции возникли не на пустом месте — они были «продиктованы» самой хрупкой центральноазиатской природой, и случившийся отказ от них может дорого обойтись и природе, и социуму.

В современный период перед властями Республики Бурятия и других забайкальских регионов, находящихся в суровых природно-климатических условиях, стоит проблема не только развития на своих территориях сельскохозяйственного производства, что является, безусловно, важной задачей, но при этом не меньшее внимание надо обратить на необходимость бережного, рачительного отношения к природе, снижения отрицательного воздействия аграрной отрасли на окружающую природную среду, чтобы не нанести ей непоправимый ущерб и урон.

Литература

Ангаева, Д. Б. (2013). Экологические традиции народов, населяющих Байкальский регон. *Вестник Бурятского государственного университета*. Философия. Социология. Политология. Культурология. 14. 185–188.

Будаева, Ц. Б. (1999). *Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия).* Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН.

Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития (2000) / Под ред. Л.В. Потапова, К.Ш. Шагжиева, А.А. Варламова. Москва: Круглый год.

Галданова, Г.Р. (1987). *Доламаистские верования бурят.* Новосибирск: Наука.

Дробышев, Ю. И. (2023). Трансформация традиционного природопользования в бассейне Селенги в XX столетии. *Nomadic civilization: historical research.* 3. 3. 21–35.

Залкинд, Е.М. (1958). *Присоединение Бурятии к России.* Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во.

Мангатаева, Д.Д. (2000). *Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона.* Новосибирск: Изд-во СО РАН.

Мантатов, В.В., Мантатова, Л.В. (2020*).* Новый взгляд на устойчивое развитие: антропокосмизм, натургуманизм и экокоммунизм (по материалам XXIV Всемирного философского конгресса). *Ноосферные исследования*. 1. 60–69.

Намжилова, Л.Г., Тулохонов, А.К. (2000). *Эволюция аграрного природопользования в Забайкалье.* Новосибирск: Изд-во СО РАН.

References

Angaeva, D. B. (2013). Ecological traditions of the peoples inhabiting the Baikal region. *Bulletin of Buryat State University.* Philosophy. Sociology. Political science. Culturology. 14. 185–188 (in Russian).

Budaeva, Ts. B. (1999). *Ecological traditions of the indigenous population of the Baikal region (on the example of the Republic of Buryatia).* Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Buryatia: conceptual foundations of sustainable development strategy (2000) / Ed. L.V. Potapova, K.Sh. Shagzhieva, A.A. Varlamova. Moscow: All year round (in Russian).

Galdanova, G.R. (1987). *Pre-Lamaist beliefs of Buryats.* Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Drobyshev, Yu. I. (2023). Transformation of traditional environmental management in the Selenga basin in the twentieth century. *Nomadic civilization: historical research.* 3. 3. 21–35 (in Russian).

Mangataeva, D.D. (2000). *Evolution of traditional life support systems of the indigenous peoples of the Baikal region.* Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mantatov, V. V., Mantatova, L.V. (2020). A new look at sustainable development: anthropocosmism, natural humanism and ecocommunism (based on materials of the XXIV World Philosophical Congress). *Noospheric research*. 1. 60–69 (in Russian).

Namzhilova, L.G., Tulokhonov, A.K. (2000). *The evolution of agricultural environmental management in Transbaikalia.* Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zalkind, E.M. (1958). *Annexation of Buryatia to Russia*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house (in Russian).